

епископа заставило его принять сан священника и возглавить монашеское братство. В обители не было источника воды, приходилось ходить далеко. Братия стали роптать. И преподобный спустился в небольшой овраг, набрал там немножко дождевой воды, помолился, осенил это место крестным знаменем и тут же, на глазах у изумленного инока, бывшего рядом с преподобным, хлынула чистейшая ключевая вода. И до сих пор люди со всех концов земли приезжают в Лавру, заходят в часовню и пьют из Сергисва источника.

Вся Русь знала святого как величайшего чудотворца. По его молитвам исцелялись люди, он воскресил умершего отрока, предсказывал грядущие события.

Духовными детьми преподобного Сергия были не только простые люди, но и великие князья.

Только после благословения преподобного Сергия, его духовный сын, благоверный князь Дмитрий Донской, отправился со своим войском на Мамаю и победил его на поле Куликовом в 1380 году.

Вид старца всегда был нищ и крайне прост. Приезжавшие во обитель не верили, когда видели святого, что этот монах в старом подряснике и в лаптях и есть великий Сергей.

Учениками преподобного Сергия еще при его жизни были устроены десятки монастырей. От преподобного Сергия тянется ветвь русской школы иконописи и особых лаврских распевов. Образ Святой Троицы – образ духовного единства, любви и благоговения – лег в основу иконы ученика преподобного Сергия, инока преподобного Андрея Рублева. И именно этого единства так не достает сейчас всем нам.

Величайшим утешением для преподобного было явление ему перед кончиной Пресвятой Девы Богородицы. Она предстала ему вместе со святыми апостолами Петром и Иоанном. Мать Божия, укрепляя преподобного Сергия, произнесла пророческие слова: «Не бойся, избранник Мой, Я пришла посетить тебя, услышана молитва твоя об учениках своих и об обители твоей. Я неотступна буду от места сего и всегда буду покрывать его...»

За полгода до кончины преподобный Сергей сложил с себя заботы по управлению монастырем, передав бразды правления своему ученику, преподобному Никону. 25 сентября 1392 года, приблизившись к святым Христовых тайн, он мирно отошел ко Господу. А 5 июля 1422 года преподобный Никон извлек из земли нетленные останки, мощи преподобного и положил их в особо устроенной раке в Троицком Соборе. И до сих пор миллионы людей приходят и приезжают в Лавру преподобного Сергия, что под Москвой, в городке Сергиев Посад, поклониться игумену Русской земли. Аминь.

БЫЛО ЛИ ТАТАРСКОЕ ИГО НА РУСИ?

(Евразийская концепция Л.Г.Гумилева и ее преломление в цикле исторических хроник Д. Балашова «Государи Московские»)

(Украина)

© Пустовит Т.Н., 2000

Романы Д. Балашова о «Государях Московских» – это повествование о потомках Александра Невского с того времени, когда его младший сын Даниил получил в наследство маленький, затерянный в лесах Московский удел, и до того момента, когда Москва утвердила свое первенство в Северо-Восточной Руси, и правнук Даниила Московского Дмитрий решительно поднял меч на угнетателей – татар и привел в 1380 г. русские рати на Куликово поле. Шесть романов – «Младший сын», «Великий стол», «Время власти», «Симеон Гордый», «Ветер времени», «Отречение» – это захватывающая хроника широчайшего эпического размаха, на страницах которой перед читателями предстают сотни действующих лиц: это и князья дома Александра Невского – Даниил Александрович, Иван Данилович Калита, Симеон Иванович Гордый (сын Ивана Калиты), Иван Иванович (второй сын Калиты), Дмитрий Иванович, названный впоследствии Донским и др., это и тверские князья, главные противники Москвы, и литовские князья, не раз опустошавшие московские земли, и ханы Золотой Орды, и духовенство всех степеней и рангов, бояре, воины, землепашцы. Среди них много ярких характеров, славных имен, вписавших свои деяния в летопись истории. Одной из центральных тем цикла является характер взаимоотношений Руси и Золотой Орды.

До 90-х годов этот вопрос решался однозначно: Русь более двухсот лет находилась под монголо-татарским игом. Однако сейчас находятся ученые, подвергающие это утверждение сомнению.

В частности, Л.Г.Гумилев считал, что так называемого ига не существовало, а был союз русских князей Северо-Восточной Руси с Золотой Ордой. В статье «Мифы и реальность этносферы» он пишет: «Было ли татарское иго на Руси? И да и нет. Как считать! Сами русские XIII – XV веков о существовании ига не знали. Это все равно как говорить о том, что у нас существует московское иго над Малой Вишерой или Обнинском. Дело в том, что если бы монголы (которых тогда называли татарами) и захотели бы завоевать такую территорию, как Россия, то у них для этого просто не достало бы средств, не хватило бы людей, чтобы поставить гарнизоны» (5. С. 197). Вопреки летописям и обширной исторической литературе, Л.Г.Гумилев утверждает, что больших битв между татарами и русскими не было, а просто в течение трех лет длились небольшие военные операции на территории Руси и Кипчакской степи (нынешней Украины), после чего татары ушли. «Дань мы им начали

платить, - читаем мы в вышеуказанной статье, - в 1252 году, т.е. через двадцать лет. События явно несовместимы. Далее, кто был инициатором уплаты дани?

Как, оказывается, благоверный князь Александр Ярославович Невский, потому, что ему самому пужно было иметь надежного союзника, боееспособного и дешевого, которого можно было бы пустить против Литвы и Тевтонского Ордена. И он получил такого союзника. Но никто даром не работает: заплатить надо. Заплатили... После этого татары взяли под свое покровительство Великое княжество Владимирское и все те места, где их признавали и приглашали на помощь» (5. С. 197).

Обосновав свою теорию многочисленными ссылками на историю, например, ссылкой на то, что войско Батые имело не 300 тыс. воинов, как утверждают официальные «либеральные историки» прошлого века, а 30 тысяч, Л. Гумилев соглашается с В.Каргаловым, который считает, что миф о татарском иге был выдуман в XVI в. немцами и французами, чтобы перетянуть на свою сторону белоруссов и украинцев.

Развивая эту мысль, Л. Гумилев утверждает, что нелепо даже и говорить о завоевании монголами Руси, «потому что монголы в 1249 году ушли из России, и вопрос о взаимоотношениях между Великим монгольским Улусом и Великим княжеством Владимирским ставился уже позже и решен был в княжестве Александра Невского..., когда он добился выгодного союза с Золотой Ордой, которая располагалась в низовьях Волги. Вокруг Сарая, который лежал между Волгоградом и Астраханью, ... расстились широкие и, в общем, ненаселенные степи, так что никакого давления, политического или военного, Орда на Владимирское княжество оказывать не могла. И не оказывала» (4. С. 134).

Такова точка зрения Л. Гумилева и других историков-евразийцев.

Д. Балашов считает Л.Гумилева своим учителем и, следуя его теории оправдывает союз Владимирской Руси с Золотой Ордой. Однако полностью писатель не соглашается с этой теорией. Он считает, что это был не равноправный союз, а союз победителя и побежденного. В своей книге «**В гостях и дома**» он пишет следующее: «Он (Александр Невский – Т.П.) нашел путь союза с монгольской ордой, **союза- подчинения**, но все же союза... Он привез от хана Берке главное: из Владимирской Руси были убраны баскаки, и русские князья смогли сами собирать дань, то есть быть хозяевами на своей земле» (3. С.21). То есть до этого русские князья хозяевами на своей земле не были. Значит Д. Балашов считает, что завоевание Руси татарами все-таки было? Да, тут писатель не согласен с Л. Гумилевым. Понимая официальную точку зрения, он объясняет тот факт, что татаро-монголы смогли захватить столь обширную территорию, располагая малыми силами, таким образом: «Монголы пришли на Русь в тот момент, когда великое некогда Киевское государство, изживши свой срок бытия, склонилось к закату своему, развалиясь на ряд враждующих

княжеств. Не было должного сопротивления, не было координации сил, были – развал, измены, трусость, несогласие...». (3. С. 21).

Раздробленной, обессиленной, захваченной врагом Руси союз, хоть какой-нибудь, пусть даже неравноправный, был, безусловно, необходим. Но зачем же он нужен был татарам? Д.Балашов объясняет это тем, что татар на Волге была горсть. Разноплеменным государством, в которое, помимо Руси, входили и другие страны, захваченные татаро-монголами, надо было управлять, опираясь на силу. Силу давали, и не раз, русские князья, получавшие взамен единую власть и монгольскую конницу против западных, далеко не мирных соседей. А вопрос о дани, о верховной власти в этом союзе был предусмотрен, когда развал Руси сменился подъемом, и нация обрела силу в борьбе.

Взгляды писателя на характер взаимоотношений Владимирской Руси с Золотой Ордой нашли отражение в цикле его романов «**Государи Московские**».

Строго следуя летописям, Д. Балашов рисует картины, которые объективно опровергают утверждение о якобы позднее придуманном немцами и французами татарском иге.

Мотив татарского насилия и русского горя звучит уже в прологе к первому роману цикла «**Младший сын**» и проходит через весь цикл, опровергая также и утверждение о равноправных союзнических взаимоотношениях князей Северо-Восточной Руси с Золотой Ордой. Возникают закономерные вопросы. Если это был договорной союз между ордынскими ханами и русскими князьями, то почему князья ездили на поклон к хану, чтобы получить ярлык (право) на то или иное княжение? Почему хан мог отобрать это право у одного князя и передать другому? Почему в случае задержки ханского выхода, т.е. дани в виде серебра, пушнины и других ценностей, на Русь шли ханские войска и разрушали русские города, казнили князей? Почему ни один якобы союзный хан не побывал на Руси, тогда как русские князья ехали и ехали в Сарай, выпрашивая ярлыки на владение своими же, русскими городами, и многие были убиты там? Ответ на эти вопросы может быть только один: татарское иго. Русская земля корчилась, стонала, истекала кровью, разорялась татарами. Об этом говорят многочисленные факты, запечатленные старинными летописями и ожившие под пером Д. Балашова.

Вот как писатель описывает ситуацию, которая сложилась на Руси после татарского нашествия, когда были сожжены многие города: «После уж, когда Великому князю пришлось ехать в Орду на поклон, а за ним потянулись и прочие князья получать свои уделы из рук татарских, горькая правда стала явью. Начался долгий (и еще не верили, что долгий!) плен Руси» (1. С. 56).

Не один русский князь в борьбе с соперниками (своими же, русскими князьями) приводил на Русь татарские войска. Как же вели себя так

называемые союзники? Д. Балашов пишет: «... Татары рассыпались по деревням, зорили и жгли все подряд: избы, стога, скирды соломы и хлеба. Заезжали в чащобы и слушали – не замычит ли где корова, не твякнет ли глупый пес, не заплачет ли ребенок, или заржет, почуяв конский дух, крестьянская коняга?»

Тогда кидались на голос, выволакивали плачущих баб с ребятишками. Скот резали. Людей угоняли в полон. Деревни после татар совсем обезлюдели» (1. С. 56-57).

Корыстные золотоордынские ханы, используя принцип «разделяй и властвуй», давали незаконную власть тому, кто привез больше серебра, посылали татарские отряды на Русь с незаконным претендентом на княжение, чтобы ослабить, свергнуть набирающего силу князя. Часто сменяющиеся в результате кровавой борьбы ханы, придя к власти, как правило, начинали передел власти в Русском улусе, отбирая удел у одних князей и передавая их другим. Это была традиционная форма грабежа: ярлык на княжение получал тот, кто привозил больше подарков. Так, например, новый хан Туданменгу, дал ярлык на все великое княжество Владимирское князю Андрею Александровичу, хотя в это время княжил законный и ранее утвержденный Ордой князь Дмитрий Александрович (старший брат Андрея). Андрей привел татар, которые в погоне за дружиной Дмитрия «ринулись на земли Тверского княжества, опустошили села под Тверью и вокруг Торжка. Спеша дорваться до добычи, они плохо слушали своих воевод, а уж Андреевых и подавно. Да похоже, татарские мурзы и не спешили останавливать своих ратных, давали ополониться досьяти» (1. С. 292).

При русских князьях постоянно жили ханские ставленники – баскаки, которые зорко следили за выплатой дани, за поведением князя, который обязан был давать им отчет о том или ином военном походе (чаще всего на соседний удел).

То, что подлинными хозяевами Владимирской Руси являются золотоордынские ханы, понимали не только князья, но и церковные иерархи. Как можно говорить об отсутствии ига, если сам митрополит, глава русской церкви, должен был ехать в Орду за ярлыком! Во время нашествий татарских полчищ сжигались церкви, ради серебряных переплетов рвались книги, с икон обдирались оклады, выпамывались из оправ драгоценные камни, растаскивалась церковная утварь, а Л. Гумилев считал по субъективным причинам, что при татарах русская православная церковь процветала.

Понимание всенародного бедствия – того, что было названо татарским игом – концентрирует в себе проповедь епископа Серапиона в романе «Младший сын». «(Се уже сорока лет приближает, томление, и мука, и дани тяжкие на нас не престанут! – торжественно провозглашает он собравшимся в соборе. – И глады, и морове. И власть хлеба своего

ищести не можем, воздыхание и печаль сушат кости наши. Разрушены божественные церкви, осквернены сосуды священные, потоптаны святыни... Кровь отцов и братья нашей, аки вода, землю напои. Князей наших и воевод крепость исчезла; храбрые наши, страха наполнилися, бежали, братья и чада множицею в плен сведены, ..., труд наш поганые наследовали. Земля наша, русская, иноплеменникам в достояние бысть» (1. С. 146). В соборе – мертвая тишина. Епископ берedit человеческие души, вселяет в сердца боль за поруганную землю.

Считая себя учеником Л. Гумилева, Д. Балашов подчеркивает, что татарское давление на Русь стало еще большим с приходом в Орду к власти хана Узбека, объявившего ислам государственной религией. Писатель акцентирует внимание читателей на том, что только со времени Узбека, совершившего переворот, «унесший в небытие монгольскую державу на Волге и вместе с нею окончательно похоронивший идею союза Руси с Ордой, слово «татарин» стало обозначать на Руси смертельного врага-насильника, и, прежде всего, врага веры христианской – басурманина, врага, спор с которым мог быть разрешен уже только силой оружия» (2. С. 26). Подтверждая мысль, высказанную в романе, Д. Балашов пишет в книге «В гостях и дома»: «... Пришедший к власти Узбек ввел мусульманство, и многие монголы, не желавшие его принять, эмигрировали на Русь. Для нас эти последующие отношения уже с другой татарской Ордой закрыли прежние. Враг стал другой и отношения другие, а название Золотая Орда осталась... И опасность была, главная, в союзе мусульман с католическим Западом.» (3. С. 22).

Поддерживает ли это утверждение писателя евразийскую концепцию Л. Гумилева и евразийцев в целом? Балашов – историк, как видим, поддерживает, но Балашов – художник, опирающийся на исторические материалы – категорически нет. Картины, рисующие отношения татар к русичам, говорят о том, что ордынцы никогда не вели себя, как союзники, а всегда оставались порабитителями, насильниками и суверенами по отношению к Русскому улусу. Если же они посылали войска в помощь владимирским князьям, например, для обороны от литовских феодалов, захватывающих исконные русские земли, то только с целью защиты своего улуса, из которого высасывали несметные богатства в виде обязательной дани. Конечно, с воцарением мусульманина Узбека, для которого русичи теперь стали презираемой «райей», иго усилилось. Подтверждением этому служат страшные по своей жестокости картины разорения Твери после восстания жителей города против насильника Шевкала (двоюродного брата Узбека, запечатленного в народной песне о Щелкане Дюдентьевиче). Тверь была сожжена дотла. «Один только черный от копоти и ободранный донага Спасский собор да каменная церковь Федора и уцелели из целого града» (2. С. 435). Вот для примера одна из картин истребления тверичей татарскими темниками Федорчуком,

Туралыком и Сюгой: они «выгоняли на дотый мороз детей и женщин поджигая избы, и гнали потом полонянников, тех, кто мог еще идти, других, трупами, оставляли по дорогам...» (Там же).

Это была еще первая треть XIV столетия (Шевкал явился в Тверь в 1327 году). Что же это, если не тяжкое иго? А Л. Гумилев пишет, что сами русские, жившие в эти времена, о существовании ига не знали. Какими же оказывается, они были недогадливыми! На протяжении двух с половиной столетий татаро-монголы их жгли, разоряли, грабили, убивали народ казнили его князей, обдирали церковную утварь, уничтожали иконы и книги, а русичи не понимали, что это иго!

Неправда! Русичи хорошо понимали, какая беда пришла на их землю. Тяжесть татарского ига нашла отражение не только в летописях, но и в народных песнях, складывавшихся в то время. В таких, как «Авдотья Рязаночка», «Татарский полон», «Щелкан Дюдентьевич». Д.Балашов – прекрасный знаток русского фольклора. Не случайно одна из его эпизодических героинь «складывает песню»:

«То не шум шумит, то не гам гамит,
Злы татарове полон делят...»

Только по вышеприведенным фрагментам, (а подобных им множество в романах Д. Балашова) можно увидеть, что писатель убежден: татарское иго – не чья-то поздняя выдумка, а подлинная история древнерусского народа, более двух веков несшего на себе неимоверно тяжкое бремя.

Следовательно, вопреки спорному суждению по этому вопросу учителя, ученик не отрицает существования на Руси монголо-татарского ига. «Иго мы сбросили, - пишет Д. Балашов. – И на Куликовом поле устояли... Восславим мужество тех, кто защищал нашу страну, и отдадим должное мужеству сильного соперника» (З. С. 20).

Пушкин изрек: «Гордиться славой предков не только можно, но и должно. Не уважать оной есть постыдное малодушие!»

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Балашов Д. Собр. соч. в 6-ти томах. – М., 1991. – Т. 1.
2. Балашов Д. Собр. соч. в 6-ти томах. – М., 1991. – Т. 2.
3. Балашов Д. В гостях и дома. – М., 1991.
4. Гумилев Л. Меня называют евразийцем. // Наш современник. 1991. - №1.
5. Гумилев Л. Мифы и реальность этносферы. // Дружба народов. 1989. - №11.

ФЕНОМЕН «ВЕРА» В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОЙ МОТИВАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

(Россия)

© Кириков О.И., 2000

Экономические критерии феномена «вера» в системе религиозной мотивации поведения человека изложены в Библии. До конца XVIII века религиозная этика служила протомоделью или схемой экономического поведения как единственный универсум культуры общества. Этические церковные принципы формировали алгоритмы экономической жизни протестантов, католиков, православных как в Европе, так и в Америке. К началу XX столетия социокультурные и религиозные нормы России уже сформировались и критерии православия стали нормой поведения и стимулом экономической деятельности общества.

В первые два столетия своего существования после крещения Руси в 988 году православная церковь еще не успела укрепиться ни материально, ни духовно – в такой мере, чтобы свести к минимуму все нетрадиционные формы духовной и материальной жизни. В отличие от славянского язычества, в котором преобладали специфические характеристики антропоморфизации природы и натурализации человека, православие «опредмечивало» своей верой качественно иную концепцию религиозной мотивации поведения человека в экономической среде Руси.

Первоосновой всего стал Бог-Творец, а Киевская Русь, по словам митрополита Иллариона, стала «ведома и слышима» и «вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла»¹. Исходя из новозаветного принципа «царства божьего среди нас», церковь направляла все усилия на самопознание и возвышение души человека. Концепция «души» и «веры» на практике раздваивается между морально богословско-философского учения православия и земельными («языческими») нравами и экономическими отношениями, которые формировались в социуме. Преодолев язычество экономически, «впитав» его содержательно в себя, богословская мысль вобрала в себя лучшие его социокультурные черты.

«Новая» вера была связана с укреплением религиозной идеологии, развитием богословия и дальнейшим усилением церковной власти, хотя внимание народа до реформ Патриарха Никона акцентировали в основном на правильном отправлении обрядов. Именно на этом этапе и находит своё первоначальное богословское развитие концепция веры.

По церковной дефиниции, вера – это божественный дар, который человек получает от рождения, имеет статус наивысшей духовной ценности, «ибо мы ходим верою, а не видим» (2 Кор. 5:7).